

ДЖЭКИ МОКИ

ЛУЧШИЕ ВЕЩИ

рождены болью

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Джэки Иоки
Лучшие вещи
рождены болью. Том 1
Серия «Лучшие вещи», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67696625

SelfPub; 2024

Аннотация

Как избавиться от ненавистного сотрудника? Самый верный способ – поручить ему внедриться в банду, главарь которой уже убил пятерых подосланных к нему агентов ФБР. Выбор у Хантера невелик и скорее похож на естественный отбор: либо он, либо его. Вот только пристальное наблюдение за ним дерзкой и неприступной помощницы главного бандита вызывает у него далеко не нервное напряжение, как следовало бы ожидать, а непонятно откуда взявшееся влечение. Сможет ли Хантер справиться с ним и остаться в живых, посадив банду за решётку, или станет шестым, чья голова будет покоиться среди цветов в коробке, которую однажды утром получит его шеф? И как это связано с историей ребёнка, от которого много лет назад отказались родители? Первая книга цикла "Лучшие вещи", где две истории только начинаются.

Содержание

Дисклеймер	4
Глава 1. Лучшие вещи	5
Глава 2. Рождены болью	16
Глава 3. Лучшие вещи	26
Глава 4. Рождены болью	35
Глава 5. Лучшие вещи	45
Глава 6. Рождены болью	55
Глава 7. Лучшие вещи	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Джэки Йоки

Лучшие вещи

рождены болью. Том 1

*Самые могучие души рождаются в страданиях.
Сильнейшие из них покрыты шрамами. (с) Халиль
Джебран*

Дисклеймер

Все события и персонажи, описанные в этой книге, вымышлены. Любое сходство с реальными событиями и реальными людьми случайно. Эта книга содержит ненормативную лексику, эротические сцены и сцены насилия, рекомендована для чтения лицам, достигшим 18 лет. В книге также встречается упоминание нетрадиционных сексуальных установок, но это не является пропагандой.

Глава 1. Лучшие вещи

– Ортис, я всё ещё жду хоть какие-нибудь результаты по серии убийств, которыми ты занимаешься! – гаркнул Джерард Квинс в конце утренней летучки, когда его подчинённые уже собирались расходиться. Глава Отдела уголовных расследований был явно не в духе. И, кажется, каждый из его агентов уже испытал на себе все последствия вчерашнего внепланового собрания глав местных отделов ФБР на ковре у Директора. Отдел Сан-Диего был далеко не на последнем месте по раскрываемости среди остальных штатов, но Квинс, как всегда, требовал от них большего.

Каждый агент, хоть раз, но шутил о том, что этот шестидесятилетний старикан никогда не спит, потому что не может выкинуть из головы ни одно из преступлений, совершённых на территории штата Калифорния. Он мог позвонить любому из них и в три, и в пять утра, потребовать отчёт, или ещё раз уточнить детали по тому или иному делу, что, естественно, знатно их всех бесило. Но начальство есть начальство. Ты просто не имел права не взять трубку.

– Хантер, Филипп, задержитесь.

Недовольно переглянувшись, двое мужчин остались сидеть на своих местах, пока остальные спешно покидали большой конференц-зал, чтобы затеряться где-нибудь в недрах отдела, пока шеф снова не начал буйствовать.

– Итак, Морроу, – продолжил Квинс, когда за последним агентом захлопнулась дверь. – Если ты прямо сейчас не готов доказать мне, что именно Cuervos de la Muerte занимаются поставкой наркоты на наши улицы и в соседние штаты, то мой приказ о внедрении тебя в эту чёртову банду вступит в силу через полчаса.

Седоватый мужчина вперил взгляд в нахально развалившегося на стуле подчинённого, вечно пренебрегающего установленным в отделе дресс-кодом. Вместо предписанных брюк и рубашки тот предпочитал носить удобные широкие джинсы и обтягивающие футболки. И только ему одному это сходило с рук, несмотря на то, что шеф терпеть его не мог с тех самых пор, как Хантера Морроу пять лет назад перевели из штаб-квартиры в Вашингтоне сюда, в Сан-Диего, в качестве наказания за оплошность, суть которой Директор не раскрыл даже Джерарду Квинсу.

– Я, конечно, понимаю, что вы хотите от меня избавиться с самого первого дня, – Хантер усмехнулся, ещё больше откидываясь на жутко неудобном стуле и скрещивая руки на груди. – Но посылать меня к ним это банальное убийство. Как, по-вашему, я должен попасть в банду, главарь которой сам лично выбирает её членов. Никто не может просто прийти и сказать «я хочу в банду». Его застрелят на месте. Тейшейра лично присылает приглашения тем, кто его заинтересовал. И случается это крайне редко, – он вдруг стал серьёзным. – За те два года, что я слежу за ними, в Воронах Смерти

появилось только трое новеньких.

– Мне плевать, как ты это сделаешь, – Квинс вернул ему его же ухмылку. – Ты работаешь над этим делом уже два года и не добился никаких результатов. А выволочку Директор устраивает мне. Так что пришло время решительных действий.

– Никаких результатов? – Хантер расхохотался на весь зал. – Я всё ещё жив. В отличие от тех пятерых несчастных, которые занимались этим до меня. Или, может, вы хотите получить и мою голову в праздничной упаковке?

Шеф содрогнулся, вспоминая, как обнаружил на своём столе каждую из пяти коробок, обёрнутых в цветную бумагу и перевязанных лентой. Каждый раз, открывая крышку, он находил под ней отрубленную голову одного из своих агентов на блюде в окружении головок диких роз, бархатцев и других цветов. Более того, лицо каждого из них было разрисовано гримом. Такие маски мексиканцы обычно рисуют в День Мёртвых. Хантер был раздражающе прав. То, что он продержался два года, добывая хоть какую-то информацию, было чёртовым везением, никак иначе Квинс не мог это назвать.

– Хантер, твою мать! Ты должен найти способ попасть к ним, – шеф стукнул кулаком по столу с такой силой, что стаканы, расставленные на нём перед каждым креслом, громко звякнули, подсакивая и расплёскивая воду.

– Понятно, – молодой мужчина нарочито печально вздох-

нул. – Красоваться и мне под гримом среди цветов. Можно мне хоть место на кладбище с видом на океан?

– Обойдётся, шутник, – Квинс всё-таки взял себя в руки. – Ты его, один хрен, уже не увидишь. Всё, идите и займитесь уже делом, – махнул он рукой в сторону двери, и двое агентов поспешили подняться со своих мест.

– Хренов урод! – Хантер захлопнул дверь в кабинет, который делил со своим напарником Филиппом Рейнольдсом, художавым парнем модельной внешности с тонкими чертами лица и вечно взлохмаченными волосами, на укладку которых тратил никак не меньше двадцати минут каждое утро.

– Ладно тебе, – Филипп похлопал его по плечу и плюхнулся в своё кресло за рабочим столом, заваленным папками с делами, над которыми он сейчас работал. – Не первая твоя выволочка от старикана. И не последняя.

– Выволочка? – прорычал Хантер. Напускное спокойствие сошло с его лица, как только они оказались наедине без посторонних глаз. – Ты вообще его слушал?

– Если честно, то нет, – усмехнулся Рейнольдс. – Я думал о той горячей штучке, которую подцепил вчера в баре. Она в городе ещё две недели – приехала на каникулы с друзьями – а потом уезжает обратно куда-то там в Миссури. Мы сегодня договорились снова зависнуть где-нибудь в клубе с её компанией. Если хочешь, у неё есть симпатичные подружки, – он поиграл бровями, подмигивая другу.

– Господи, за что мне это? – застонал Хантер, падая голо-

вой на сложенные на столе руки. – Ты о чём-нибудь другом вообще можешь думать? Пять минут назад Квинс сделал из меня смертника, а ты предлагаешь мне потрахаться.

– Потрахаться перед смертью, что может быть лучше? – откинувшись в кресле, Филипп сделал вид, что прицеливается в него невидимым пистолетом и стреляет.

– Например, не умирать вовсе, – Хантер скривился в ответ на жест друга.

– Ладно, шутки в сторону. Что ты собираешься делать?

– Думать над тем, как выполнить приказ старикана, будь он неладен, – Хантер задумчиво потёр подбородок. – Работа под прикрытием. Это значит, что ещё минимум на год, а то и больше я застрял в этой грёбаной дыре.

– Чем тебе не нравится наша дыра? – снова расхохотался Филипп, не понимая, на что изо дня в день жалуется его друг. – Вечное лето, океан, полуголые девочки на пляже круглый год.

– Именно. Лето, пляж и всё то, что мешает сосредоточиться на работе. Мне бы понравилось здесь отдыхать. Недельку-другую в году. Но не жить. К тому же я ненавижу жару.

– Ты чёртов трудоголик, – Филипп покрутил у виска, с осуждением глядя на напарника. – И что тебя так тянет обратно в твой Вашингтон? Там же скукота смертная.

– Там перспективы, которых здесь нет, – Хантер пожал плечами и собирался добавить что-то ещё, когда в дверь постучали, и миловидная секретарша, цокая высокими каблук-

ками и соблазнительно улыбаясь, вошла в их кабинет и аккуратно положила ему на стол очередную коричневую папку. – Спасибо, Трейси.

Морроу даже не взглянул на девушку, уже вчитываясь в принесённые ею документы. Улыбка на губах Трейси мгновенно потухла, и она вышла из кабинета, опуская плечи.

– Она тебе совсем не нравится? – Филипп кинул в напарника коробкой со скрепками, пытаясь привлечь его внимание.

– Кто? – глаза Хантера, не отрываясь, бегали по мелким строчкам.

– Мама моя! – хохотнул Рейнольдс. – Трейси, конечно. Девчонка уже который месяц строит тебе глазки.

– Да? – но, кажется, Хантера это абсолютно не интересовало. Его сейчас в принципе мало что могло заинтересовать, кроме папки в его руках. – Никогда не замечал этого. Странно, после той ночи я чётко дал ей понять, что продолжения не будет. И она вроде как была того же мнения.

Несколько месяцев назад, напившись на какой-то корпоративной вечеринке в честь раскрытия одного из дел, Трейси затащила не сильно сопротивляющегося Хантера в один из кабинетов и не отпускала несколько часов, пока кто-то не попытался вломиться к ним через запертую дверь. На следующий день они оба решили, что это было весело – в качестве разового удовольствия, но ничего серьёзного между ними явно быть не может.

– Видимо, передумала и теперь всячески пытается привлечь твоё внимание, – Филипп подкатился на стуле к столу напарника и вырвал из его рук папку. – Что это?

– Моя легенда, любезно предоставленная нашим аналитическим отделом, – скривился Хантер, позволяя другу изучить написанное. – Осталось дело за малым. Привлечь внимание Тейшейра и каким-то мифом получить его приглашение.

Морроу потёр руками лицо, пытаясь отвлечься от дурных мыслей. Работа над этим гиблым делом не нравилась ему с самого начала. Это был верный глушняк. И после смерти третьего агента, каждый отрещивался от него как мог. А после пятого, зная любовь шефа к себе, Хантер был уверен на сто процентов, что он будет следующим, и уж кому-кому, а ему отвертеться точно не получится.

– Ну, по крайней мере, стимул выжить у тебя неплохой, – Филипп даже присвистнул, вчитываясь в записку на последней странице.

– Что? О чём ты? – Хантер нахмурился, протягивая руку за папкой.

«Считай Тео Тейшейра в наручниках своим билетом обратно в Вашингтон. Дж. Квинс».

Глаза Хантера загорелись. Если шеф не шутит, а тот, чёрт возьми, никогда не шутит, то он разобьётся в лепёшку, но докажет причастность банды Воронов Смерти ко всему наркотрафику, проходящему через Сан-Диего. Такой шанс он

уж точно не упустит.

– Старик умеет мотивировать, а? – пихнул его в плечо Филипп.

– Главное, чтобы и обещания держать умел, – Хантер расплылся в довольной улыбке. – А ты смотри, ему всё равно как, лишь бы избавиться от меня.

– А подохнешь ты или уедешь в свой Вашингтон – это дело десятое, – подхватил Рейнольдс, откатываясь обратно к своему столу. – Надо будет предложить народу устроить тотализатор. Интересно, кто-нибудь поставит на Вашингтон?

– Ну спасибо, настоящий друг Филипп Рейнольдс, – Хантер кинул ему обратно его коробку скрепок, попав чётко в лоб. – Поддержка высшего уровня. Один фиг, для этого ещё рано. Я понятия не имею, с чего начать.

– Слушай, ты же хренов красавчик, – Филипп хлопнул себя по лбу, как будто ему пришло озарение. – У Тейшейра по-любому есть какая-нибудь сестра, которую он безмерно любит. Тебе нужно просто подкатить к ней, заставить влюбиться, а уж она-то тебя просунет в банду.

– Красавчик? Не смей меня, – Хантер поморщился. Ладно, он действительно считал себя красавчиком. Не зря же полжизни не слезал с турников, прорабатывая каждую мышцу в теле. Он не стремился раскочкаться. Большой шкаф только падает громко. Да и в их работе это очень сильно мешало бы. А вот сильное выносливое тело, способное пробежать длинную дистанцию с препятствиями в погоне за очередным

удирающим преступником, было его приоритетом. И турники и брусья отлично этому способствовали. Да и приятным лицом природа его явно не обделила. И если Филипп был хорош собой как чёртова фотомодель, как и большинство уроженцев Калифорнии, которые были настолько сладкие, что аж першило в горле, то Хантер скорее был похож на выдержанный виски, горький и терпкий, который хотелось смаковать, перекатывая на языке. – И нет у него сестры. Насколько я знаю, он избавился от всех привязанностей и семейных уз ещё много лет назад, считая их своей слабостью. И не то чтобы я не был с ним согласен. На его месте я сделал бы точно так же.

Филипп кинул на него взгляд исподлобья, в котором явно читалось, что он совсем не ожидал услышать такое от агента ФБР.

– Ой, да брось, мы с тобой никогда не были святошами. Уж я-то точно. Иначе никогда не оказался бы здесь. Когда на кону стоят такие деньги, какими ворочает Тейшейра, я бы постарался избавиться от любого риска скомпрометировать себя.

– Ладно-ладно, – Филипп поднял руки, сдаваясь. – Наверное, ты прав. Но, слава богу, мы не на его месте.

В кабинете повисла гнетущая тишина, когда оба друга задумались каждый о своём. Хантер раскрыл папку со своими наработками по делу банды и бесцельно пролистывал одну страницу за другой, пока не наткнулся на единственную

девушку, которая до сих пор была для него тёмной лошадкой. По ней ему удалось собрать меньше всего информации. Алесса Шепард. Он нашёл только общие данные, которые были в базе. Двадцать семь лет, родилась в каком-то захудалом городишке на Аляске, с пяти лет постоянно переезжала из штата в штат с родителями, о чём свидетельствовало огромное количество школ, в которых она училась, десять лет назад перебралась в Калифорнию, где и осела. Больше записей не было, но Морроу знал, что к Воронам Смерти она примкнула около пяти лет назад. На данный момент живых родственников у неё не было. И ещё один пункт, который смущал его больше всего. От девушки ни на шаг не отходил голубой питбуль, кличку которого ему так ни разу и не удалось расслышать за то время, что он следил за ней. Мало того, что Хантер не любил собак, так и девушка вела себя крайне осторожно, что не позволяло приблизиться к ней так, чтобы она этого не заметила.

«Да уж, паршиво», – мысленно протянул он, потирая шею и рассматривая фотографию, которую сам же и сделал. Алессу и девушкой-то сложно было назвать в привычном понимании этого слова. Высокая, худосочная, в мешковатой одежде и с татуировками она больше напоминала мальчишку-переростка. А короткая стрижка со спадающей на серо-голубые глаза чёрной чёлкой делала этот образ окончательно завершённым и отталкивающим.

– О, ну вот же, а ты говорил, нет девчонок, – задумавшись,

Хантер даже не заметил, как Филипп оказался за его плечом, вчитываясь в короткое личное дело Алессы. Он несколько раз моргнул, пытаясь понять о чём говорит друг, а потом, вспомнив их разговор, расхохотался как ненормальный.

– Это? – Хантер ткнул пальцем в снимок. – Это, друг мой, не девчонка. Это исчадие ада. Правая рука Тейшейра, и я больше чем уверен, что она закоренелая лесбиянка. Ты же только посмотри на неё.

– Ну, ей бы волосы подлиннее и платье в обтяжку, да каблук, и будет фотомодель, – Филипп прищурился, рассматривая девушку. – А вообще, андрогины сейчас в моде, если ты не знал.

– Андрогины это те, которые и нашим, и вашим что ли? – и на лице Хантера совершенно ясно читалось, с каким отвращением он к этому относится.

– А говоришь, что это я озабоченный, – Рейнольдс хохотнул, снова возвращаясь за свой стол. Сегодня он явно был в приподнятом настроении. – К сексу это не имеет никакого отношения. Чаще всего, – он подмигнул другу. – Так что на твоём месте я бы задумался. Всё равно выбора у тебя особо нет.

Глава 2. Рождены болью

– Карл, где ты? Нам надо поговорить.

Виктория решительно влетела в квартиру в одном из престижных районов Белфаста и тут же остановилась в гостиной, посреди которой на диване в одних брюках развалился полусонный парень с взлохмаченными волосами и помятым лицом. Тот мгновенно поморщился от громкого крика. Весь его вид говорил о том, что вчерашняя ночь прошла достаточно весело и закончилась не более нескольких часов назад.

– Вик, пожалуйста... – протянул он, прикрывая глаза ладонью от яркого полуденного света, заливавшего комнату сквозь панорамные окна. – Почему тебе обязательно нужно кричать? И ты же знаешь, что я терпеть не могу любые разговоры, начинающиеся с этой фразы. Я как будто уже заранее виноват.

– А ты прекрасно знаешь, что я терпеть не могу, когда ты называешь меня Вик. Но это же тебя не останавливает, – Виктория скинула его ноги с дивана и плюхнулась на освободившееся место.

Карл застонал, чуть не упав на пол, но кое-как удержался на диване, так и оставшись наполовину свисать с него. Сил шевелиться не было. Слишком много виски было вчера выпито на очередной тусовке, устроенной его друзьями из числа золотой молодёжи.

Он посмотрел на девушку сквозь полуопущенные веки. Эта русская девчонка убивала его. Кажется, он начинал уставать от её вечных капризов, чересчур эмоциональных заскоков и явно завышенных запросов. Их отношения начались пару месяцев назад, когда он увидел её в кафе возле университета, в котором они с друзьями часто зависали между лекциями. Она была красива и неприступна. Такая себе снежная королева. А когда он узнал, что она из России, его интерес к ней было не остановить.

Через несколько дней, проведённых в поездках по Белфасту и за городом на его роскошном синем Бугатти, Виктория всё-таки сдалась, с удовольствием ложась в его постель. Но Карл Стэнтон не был бы Карлом Стэнтоном, если бы спустя несколько недель его интерес не начал угасать. И теперь она вызывала в нём больше раздражения, чем желания. Особенно сегодняшним утром. Кажется, пора было с ней завязывать.

– Слушай, – начал он, прочистив горло. Карл терпеть не мог делать это при личной встрече. Проще было послать девчонку по телефону. Но раз уж она уже была здесь. – Мы отлично развлеклись в эти пару месяцев, но...

– Я беременна, – перебила его Виктория, полыхая нарастающим гневом. До неё даже не сразу дошло то, что он успел ей сказать. А когда его слова всё-таки достигли её сознания, она сдулась, как воздушный шар, понимая, что со всей этой ситуацией ей придётся справляться самой.

– Избавься от ребёнка, и дело с концом, – Карлу было всё равно. Не она первая, не она последняя. Если бы ему платили каждый раз, когда какая-нибудь девчонка прибежала к нему с этой новостью, он был бы уже так же богат, как и его отец. – Там в бумажнике есть пару тысяч, должно хватить, – поморщившись, он качнул головой в сторону стеклянного журнального столика, стоящего посреди огромной гостиной, на котором в хаотичном порядке валялись бумажник, ключи от машины, пачка сигарет с зажигалкой и несколько фольгированных пакетиков.

– Я не могу этого сделать, чёртов ты мудака! – воскликнула Виктория, переходя на русский язык, и вскочила на ноги.

– Что? Красотка, я ни черта не понял, – Стэнтон накрыл голову диванной подушкой. Он мучился с похмелья, а столь громкие звуки только ещё больше ухудшали его состояние и настроение. А ведь ещё совсем недавно его жутко заводило, когда она переходила на свой родной язык, каждое слово которого, слетая с её губ, звучало как непристойность.

– Я сказала, что мне нельзя делать аборт.

– Оу, – Карл выглянул из-под подушки. Но тут же на его лице расплзлась гаденькая улыбочка. – Мне жаль, правда. Но тут уж я ничем не могу помочь.

– Что? – перестав накручивать круги по комнате, Виктория нависла над ним, упирая руки в бока и выглядя ещё более разъярённо, если это вообще было возможно. – Я не собираюсь тащить всё это на себе.

– Это не моя проблема. Я вообще не уверен, что этот ребёнок от меня, если он действительно существует.

– Ты что же считаешь меня шлюхой, ложащейся под всех подряд? – она зло прищурилась, от чего её симпатичное лицо совершенно утратило свою привлекательность.

– Ну, если учесть, что я трахнул тебя на какой, второй, третий день нашего знакомства? Всё может быть, – Карл наконец-то смог затащить ноги обратно на диван и, дотянувшись до пледа, с удовольствием укутался в него, переворачиваясь на живот.

– Да как ты... – Виктория задохнулась от бешенства и, снова перейдя на русский язык, обложила его такой отборной руганью, что работяги в порту залились бы краской, потупив взгляды в пол как маленькие девочки.

– Если мы закончили, – голос Карла был слегка приглушён подушкой, в которую он уткнулся лицом, – то я был бы рад, если бы ты наконец перестала орать и освободила мою квартиру. И захлопни дверь, пожалуйста.

Сжав кулаки от злости, Виктория, громко топая и впиваясь высокими шпильками в натёртый до блеска пол, вылетела из квартиры. Дверь за ней захлопнулась с такой силой, что стоящая на столике в коридоре дорогая антикварная ваза закачалась и едва ли не упала, только чудом оставшись стоять на своём месте.

На улице она поймала такси, не переставая думать о том, как выкрутиться из сложившейся ситуации. В университете

придётся брать академ, чтобы никто не видел её огромного живота. А после родов она спокойно вернётся к учёбе. Потеряет полгода. Подумаешь. А отцу, русскому бизнесмену из Москвы, пославшему любимую доченьку учиться в Европу, она что-нибудь наплетёт про дополнительный семестр. Папочка в ней души не чает, так что поверит любому её слову.

Виктория выдохнула. Это было похоже на план.

* * *

– Твою ж мать... как больно-то... – это было невыносимо. Ещё никогда Виктория не чувствовала себя так паршиво. Она из последних сил старалась выполнять указания молодого врача, но понимала, что выдыхается.

– Давай, девочка, постарайся, в последний раз, – уговаривал Трент Фишер, единственный, кто поддерживал её все девять месяцев, пока она вынашивала ребёнка. Начинаящий врач, которому она рассказала и про свою ситуацию, и про нерадивого парня, отказавшегося нести хоть какую-то ответственность. Врач, работающий в глубинке, куда она переехала, как только её живот начал расти так, что скрывать его уже было невозможно. Врач, который поклялся никому не рассказывать ни о ней, ни о ребёнке, получив приличную сумму за своё молчание. – Вот так, умница. Ты только посмотри на...

– Нет! – из последних сил выкрикнула Виктория. – Я не

хочу знать, кто это... Унеси, унеси немедленно!

Голова начала разрываться от детского плача и стучащего в висках давления. Неужели она наконец-то свободна?

– Подожди чуть-чуть, родим послед, и сможешь поспать, – мужчина унёс ребёнка в другую комнату маленького дома, плотно закрывая дверь, хотя и она не заглушила громкий, разрывающий перепонки писк младенца. Он вернулся буквально через несколько минут, но остального Виктория уже не помнила. Не хотела помнить, вычёркивая из своей жизни эти сутки. Да что там сутки, последний год. Особенно последние несколько месяцев, которые ей пришлось провести взаперти в этом доме, в богом забытом городишке Дандрессан размером не больше одного квадратного километра, расположенного на полуострове Айлендмаги, прячась, чтобы её даже случайно никто не увидел. Чтобы она могла в дальнейшем жить спокойно, ничего не должно было связывать её с этим нежеланным младенцем.

– Ты уверена, что не передумала? – кажется, в сотый раз спросил её Трент, когда на следующий день ещё до рассвета она собралась уходить из его дома. Всё болело, она была жутко уставшая, но чтобы Фишеру поверили, сделать это нужно было немедленно. – Может, хотя бы посмотришь? – мужчина качал на руках маленький свёрток, полностью скрывавший младенца.

– Нет, – твёрдо ответила Виктория, но, схватившись за дверную ручку, вдруг замерла. И на секунду, на одну кро-

шечную секунду она засомневалась. Но это мгновение длилось столь недолго, что отмахнуться от него не составило труда. Но она всё-таки нерешительно вернулась обратно, впихивая мужчине в руку конверт. – Скажешь, что нашёл это в одеяле. И спасибо тебе. За всё. Надеюсь, мы больше никогда не увидимся.

Фишер кивнул, с сожалением наблюдая за тем, как захлопывается входная дверь. На улице бушевал самый настоящий шторм, и он переживал, как девушка одна доберётся туда, куда бы ни направлялась. Ребёнок в его руках заворчался, тихо кряхтя и напоминая о себе. Пожалуй, пора было приступать ко второй части их плана. Мужчина тщательно осмотрел дом на наличие каких-либо следов долгого пребывания в нём Виктории и, убедившись, что ничего не указывает на то, что кроме него здесь в последние полгода жила женщина, вызвал полицию. Патруль добрался до него только после обеда, что Фишеру было только на руку.

– Она постучалась вчера в мою дверь около девяти вечера, – начал он свой рассказ под не сильно заинтересованным взглядом крупного полицейского, присланного сюда из Белфаста. – Вся грязная, в каких-то лохмотьях, на вид бродяжка.

– И вы пустили её? – полицейский сморщился от отвращения, пока его напарник исследовал дом.

– Конечно, пустил, – Трент расправил плечи. – Я врач и не имею права отказать в медицинской помощи никому, кто

бы в ней ни нуждался. Тем более беременной женщине.

– Понятно. Продолжайте, – полицейский что-то записал в своём блокноте и снова поднял на него глаза.

– В общем, родила она ещё до полуночи здорового ребёнка. Без каких-либо осложнений. И, конечно, я позволил ей остаться. Куда бы она пошла в такой шторм, да ещё и с младенцем на руках. Утром собирался отвезти её в город, в приют. А когда проснулся, её уже и след простыл. Вот только ребёнка оставила вместе с письмом, – Фишер протянул полицейскому конверт. – Я сразу вас и вызвал.

– Странная история для Кануна дня всех святых, не находите? – полицейский прищурился. – А может, вы просто выкрали где-то ребёнка, а никакой женщины и не было?

Трент хохотнул.

– И зачем бы мне это понадобилось? Я живу один, работаю без выходных. Кто бы за ним смотрел? Это ж не котёнок, которого можно оставить на весь день, налив в миску молока.

– Ну допустим, – полицейский всё ещё не сводил с него подозрительного прищура. – И как же она выглядела? Как её звали?

– Да у меня как-то не было особо времени её рассматривать, – Фишер равнодушно пожал плечами. – Длинные светлые волосы, вся перемазюканная так, что не поймёшь, то ли перед тобой девчонка пятнадцати лет, то ли женщина в возрасте. Ну, я думаю, лет тридцать пять – сорок ей было, –

они изначально договорились с Викторией, что он опишет абсолютно противоположную внешность, чтобы если вдруг её кинутся искать, а это обязательно произойдёт, то на брюнеток бы даже не смотрели. – Небольшого роста. Да я больше ничего и не запомнил. Вчера был тяжёлый день, да и роды я принимал в первый раз, вымотался. Что до имени, она назвалась Мартой. А правда это или нет, кто знает.

– Ясно, – полицейский захлопнул блокнот, в котором безостановочно записывал каждое его слово, и взял на руки свёрток.

– Что будет с ребёнком? – это было не его дело, но что-то заставляло Фишера переживать об этом младенце, как о своём. Наверное, врождённое чувство жалости, из-за которого он, собственно, и стал врачом. А ещё он знал, как это – расти без родителей, не зная, кто ты и что ты. Каково это, быть брошенным сначала отцом, а потом и матерью, не пожелавшей даже узнать пол рождённого ею ребёнка.

– Отвезём в Белфаст в больницу для всех необходимых проверок. А оттуда уже скорее всего в детский дом, пока будет идти следствие. Но я сомневаюсь, что мы сможем найти нерадивую мамашу. А значит, малыша ждёт усыновление, если кто-то захочет его взять, – полицейский похлопал мужчину по плечу то ли в знак утешения, то ли прощаясь. – Нам пора, темнеть начинает. Хотелось бы выбраться с полуострова пока ещё хоть что-то видно.

Трент шагнул к нему навстречу и слегка приподнял уго-

лок одеяла, вглядываясь в лицо крепко спящего младенца.

– Удачи тебе, как бы в дальнейшем ни сложилась твоя судьба.

Глава 3. Лучшие вещи

На следующий день Хантер Морроу уже перевёз свои немногочисленные вещи, большинство из которых было куплено вчера специально для поддержания требуемого образа и которые ещё предстояло несколько раз запачкать и постирать в машинке на особо жёстком режиме для придания им слегка потрёпанного вида, в новую и совершенно обшарпанную квартирку в одном из самых неблагополучных районов Сан-Диего, где и обитала банда Вороны Смерти. Пора было вживаться в роль, предусмотренную его легендой, и смешиваться с толпой местных жителей, чтобы ничего не могло выдать в нём одного из Федс, как в гетто привыкли называть федеральных агентов.

Стоило ему ступить на порог так называемых апартаментов в первый раз, внутри всё взбунтовалось. Он абсолютно точно не привык к жизни в таких условиях. Это была не квартира, а самая настоящая коморка на третьем этаже разрисованной граффити бетонной коробки, каких в этом районе были десятки. С сожалением он вспомнил место, где жил до этого. Работа в ФБР позволяла снимать приличное жильё недалеко от центра города, и он был вполне доволен теми шестьюдесятью квадратами, которые занимал. Светлыми и чистыми квадратами в минималистичном стиле, где не было ничего лишнего. Здесь же всё просто кричало о парши-

вой жизни её бывших владельцев, начиная от поскрипывающего раскладного дивана с выдавшей виды потёртой обивкой, играющего роль спального места, заканчивая жирными, кое-где ободранными обоями и покосившимися полочками и шкафом. Хозяева даже не потрудились выкинуть хлам, оставшийся после предыдущих жильцов, видимо, думая, что он может кому-то понадобиться.

Прежде чем разобрать вещи Хантер с отвращением занялся уборкой, и к вечеру за дверью квартиры образовалась приличная гора мусорных мешков, которые он планировал чуть позже вынести на свалку. Сейчас же хотелось просто чего-нибудь перекусить. Открыв холодильник, дверца которого упёрлась в стоящий у противоположной стены кухонный стол, он застонал от разочарования. И как он мог забыть, что, собираясь по дороге из центра заехать в супермаркет, просто проскочил его мимо в желании как можно быстрее покончить с переездом.

Что ж, придётся идти в ближайший магазин, если здесь есть хоть один, работающий после десяти вечера. И может быть, там будет что-нибудь приличное, что не вызовет у него желание тут же спустить это в унитаз. И пара банок пива уж точно не будут лишними. А может, и бутылка текилы.

Вытащив из кобуры свой Сиг Сауэр, которым он пользовался уже несколько лет, Хантер проверил патроны в обойме и, любовно погладив затвор, засунул его сзади за пояс джинсов, пряча под клетчатой рубашкой нараспашку, наки-

нутой поверх белой футболки. Значок агента ФБР он ещё вчера сдал на хранение Филиппу. Захлопнув за собой противно скрипнувшую дверь, он сделал себе пометку, завтра же смазать петли, чтобы не привлекать лишнего внимания соседей к тому, когда он приходит и уходит, и подхватил как можно больше мешков, понимая, что второй раз к мусорке идти всё равно придётся.

Ближайший круглосуточный магазин Хантер нашёл всего в паре кварталов, вот только к ночи ничего кроме завалявшихся полуфабрикатов в нём уже не было, если в принципе когда-то завозилось. Вытащив из морозильника помятую коробку с замороженной пиццей и раздражённо сдёрнув с полки упаковку Короны – единственного пива, которое он мог пить – Хантер плюхнул всё это на кассу под неодобрительным взглядом кассира. Тому явно совсем не хотелось отвлекаться от очередного вечернего шоу, которое как раз началось по телевизору, висящему под самым потолком.

Раздвижные двери открылись, впуская двух чёрных парней, громко о чём-то спорящих, но так и не закрылись, заставив кассира устало чертыхнуться, сетуя на очередную неисправность, третью в этом месяце. Хантер достал из бумажника наличные и впервые задумался о том, не написать ли ему заявление об уходе, пока у него осталась хотя бы его жизнь, постепенно превращающаяся в ад и стремительно сокращающаяся в связи с этим чёртовым заданием. Лёгкие порывы ветра, означающие приближение осени, которая, собствен-

но, ничем не отличалась от лета в этом городе, кроме долгожданной ночной прохлады вместо духоты, донесли до его слуха шум с улицы, в котором сейчас звучало что-то абсолютно чужеродное. Хантер нахмурился, собирая свои покупки в бумажный пакет. Уличные музыканты обычно собирались в Даунтауне, который считался центром Сан-Диего и привлекал основной поток туристов своими барами, ресторанами и клубами. Здесь же не для кого было играть. Рабочий класс, с трудом сводящий концы с концами, вряд ли подкинет хоть цент, каким бы виртуозом ты ни был.

Забрав пакет, Хантер вышел на улицу, слегка подпихнув ногой одну из дверей по просьбе кассира, чтобы та закрылась, и перешёл дорогу, следуя за ласкающими слух гитарными аккордами. Обычно он предпочитал абсолютно другую музыку, что-то более ритмичное, с громкими тяжёлыми басами, но после сегодняшнего совершенно отвратительного дня звуки, доносившиеся сейчас из тёмной аллеи напротив магазина, гипнотизировали его и заставляли успокоиться. И даже дышать становилось как-то легче.

****Keep holding on – Avril Lavigne*¹***

Через пару шагов он услышал женский голос, идеально ложившийся на музыку.

– You're not alone. Together we stand. I'll be by your side, you

¹ Здесь и далее так будут обозначаться композиции, которые автор предлагает прослушать в качестве саундтрека к главе или определенному отрывку.

know I'll take your hand².

Хантер замер на месте, как будто напоролся на невидимую стену. Этот голос проникал в самую душу, нежно поглаживая словами его растрёпанные мысли.

– When it gets cold and it feels like the end, there's no place to go, you know I won't give in³.

Он кое-как сделал ещё несколько шагов вперёд, поворачивая за изгибом аллеи, и вышел на маленький пяточок с двумя лавочками, стоящими напротив друг друга, на спинке одной из которых под единственным фонарём на, казалось бы, сотни метров вокруг сидела склонившаяся над гитарой девушка.

– Keep holding on. 'Cause you know we'll make it through, we'll make it through. Just stay strong. 'Cause you know I'm here for you, here for you⁴.

По всему телу поползли мурашки. Настолько сильно она звучала. Настолько сильно ему нужны были сейчас именно эти слова, заставлявшие поверить в то, что, может быть, у него всё-таки есть шанс хотя бы остаться в живых.

Опешив, Хантер уселся на спинку скамейки напротив, поставив пакет рядом с собой, и упёрся локтями в широко раз-

² Ты не один. Вместе мы выстоим. Я буду рядом, и ты знаешь, я буду держать тебя за руку. (англ.)

³ Когда становится холодно, и кажется, что это конец, когда некуда идти, ты же знаешь, я не сдамся. (англ.)

⁴ Просто держись. Ты ведь знаешь, мы пройдем через это, мы справимся. Просто будь сильным. Ты ведь знаешь, я здесь ради тебя, для тебя. (англ.)

ведённые колени, рассматривая незнакомку, которая, казалось, не обратила ни малейшего внимания на его появление. На ней был летний сарафан цвета морской волны, широкая длинная юбка которого была украшена тёмно-фиолетовыми узорами. В таких обычно ходили мексиканские девушки. Лёгкая ткань слегка колыхалась на ветру, открывая ковбойские сапоги из тёмной замши. Её плечи и руки с многочисленными браслетами на тонких запястьях были закрыты лёгким палантином, накинутым на голову и полностью скрывавшим её лицо. Он видел только сочные губы, нежно тянущие строчку за строчкой, каждая из которых отзывалась в нём каким-то странным облегчением.

– Before the doors close and it comes to an end, with you by my side I will fight and defend⁵.

Хантер потёр ладонями лицо и так и остался сидеть с закрытыми глазами, склонив в них голову. Ему казалось, что кто-то повернул невидимый тумблер, разом выключая все остальные звуки, кроме перебора струн тонкими пальцами и потустороннего голоса, который он никогда бы не смог описать словами. Голоса, который чувствовал всем телом до самых кончиков волос.

– Hear me when I say, when I say I believe, nothing's gonna change, nothing's gonna change destiny. Whatever's meant to be

⁵ Пока двери ещё не закрыты, и до тех пор, пока всё не закончится, пока ты рядом со мной, я буду драться и защищать. (англ.)

will work out perfectly⁶.

Пропев ещё несколько раз те пару строчек, которые Хантер не мог бы назвать никак иначе, чем гимном силы, последнюю девушка практически прошептала, полностью затихая, но казалось, её голос ещё долго будет звучать в его голове. Не прошло и пары секунд, как её пальцы снова коснулись струн, мягко их перебирая. Уходить она явно не собиралась. Да и наличие единственного слушателя её как будто совсем не смущало. Но она больше не пела.

Они так и сидели напротив друг друга, отрезанные от остального мира кругом света, а по тёмной аллее за всё это время не прошёл ни один прохожий, как будто её и вовсе не существовало для других людей.

– С твоим голосом в Даунтауне ты могла бы заработать намного больше, чем здесь, – подняв голову, слегка охрипнув от долгого молчания, сказал Хантер.

Губы, не скрытые импровизированным капюшоном, растянулись в едва заметной улыбке.

– Я знаю. Но сегодня я пою не ради денег...

И только сейчас он заметил, что действительно чехол от гитары, который уличные музыканты обычно использовали, чтобы прохожие могли кидать в него мелочь, стоял закрытый рядом с ней, а у её ног не было ни шляпы, ни кепки, ни даже коробки или банки.

⁶ Услышь, когда я говорю, когда говорю, что я верю в то, что ничто не изменит судьбу. Всё то, что должно произойти, непременно случится. (англ.)

– Тогда ради чего?

Весь этот разговор казался Хантеру каким-то потусторонним, абсолютно нереальным.

– Кто знает... – девушка мягко повела плечами, продолжая наигрывать еле слышную мелодию.

– Спой ещё что-нибудь.

– Зачем..? – её пальцы замерли, а в воздухе между ними повисла тишина. – Это всё, что нужно было сегодня...

Она легко спустилась с лавочки и, спрятав гитару в чехол, повесила его на плечо.

– Я бы на твоём месте здесь долго не рассиживалась... Райончик не из спокойных...

– А ты? Я провожу, – Хантер спрыгнул со своей лавки и двинулся в её сторону, напрочь забыв о пакете с едой.

– Не нужно... Меня здесь никто не тронет...

Шагнув за пределы светового круга, на границе которого всё это время стояла, она растворилась в темноте так быстро, что он даже не успел осознать этого.

Хантер моргнул, и на него вмиг обрушились все звуки окружающей его улицы, разрушая магию последнего получаса. Ветер снова шуршал листвой на деревьях, где-то вдалеке лаяла собака на потревожившего её прохожего, кто-то несколько раз вдавил автомобильный сигнал, выражая своё возмущение на то, что его подрезал очередной лихач, двое чёрных парней присоединились к своей компании, ожидающей их у входа в магазин, снова о чём-то споря теперь уже со

своими друзьями. А единственный фонарь над его головой начал мигать, тихо потрескивая, пока в конце концов окончательно не потух, погружая пяточок, на котором он стоял, в крошечный мрак.

– Да какого чёрта... – Хантер потрянул головой, откидывая непонятные мысли. – Ты ещё в призраков и ведьм начни верить.

Желудок требовательно заурчал, и, вспомнив о скудном ужине, который ему предстояло впихнуть в себя, он вернулся за своим пакетом, сунул его под мышку и зашагал в сторону нового дома. Лишь бы микроволновка работала.

Глава 4. Рождены болью

– Я не хочу! Не надо! – кричала маленькая десятилетняя девочка, вырываясь из рук заведующей приюта, строгой хмурой женщины, улыбку на губах которой вряд ли кто-либо видел хоть раз. – Почему я не могу остаться здесь?

– Потому что тебе нужна семья, которая будет о тебе заботиться. Хватит упрямиться, Северина, – женщина тащила ребёнка за руку по тускло освещённому коридору в сторону своего кабинета, где их ожидала семейная пара из Шотландии. – И, пожалуйста, веди себя прилично в этот раз.

– Мисс Бирн, я больше не хочу семью, – девочка упрямо топнула ножкой, но её губы дрожали от страха, и женщина остановилась, присаживаясь перед ребёнком, отчего её и так узкая юбка, закрывающая колени, натянулась до предела. Обычно мисс Бирн не церемонилась со своими подопечными. Но даже несмотря на всю её строгость, девочки, живущие в приюте, уважали её и в какой-то степени даже любили. Она умела найти подход к каждой из них, но всё равно старалась держать их в ежовых рукавицах, воспитывая будущих леди, как она любила выражаться.

Мисс Бирн было около сорока лет, её муж умер, когда она была ещё совсем молода, и после этого, храня в сердце любовь к нему, она так и не вышла замуж во второй раз. Не имея собственных детей, она пришла работать в приют с же-

ланием дарить свою любовь и заботу тем детям, которые в этом нуждались, а проработав десять лет, стала заведующей, после ухода на пенсию своей предшественницы.

Работа в этой должности требовала от неё слишком много времени, а вечные трудности и нехватка денег, с которыми постоянно сталкивалось их учреждение, закалили её, сделали жёсткой и холодной, заставляя всеми силами добиваться любых возможных взносов, пожертвований и других финансовых вливаний. Из милой скромной девушки с отпечатком трагической потери в глазах, она превратилась в уверенную в себе, но очень уставшую женщину, чьи глаза, уже окружённые морщинами, больше не выражали абсолютно ничего. Такова была цена за то, что сейчас приют хоть и не процветал настолько, как бы ей хотелось, но по крайней мере у её девочек было всё, что нужно.

– Северина, – женщина взяла обе её руки в свои и взглянула в полные слёз глаза. – Я понимаю, ты боишься, что и эта семья от тебя откажется. Но ты должна задуматься над тем, почему это происходит каждый раз. Осознать свои ошибки и стараться изо всех сил, чтобы понравиться им.

– Но я хочу нравиться такой, какая я есть.

Мисс Бирн устало вздохнула. Северина была сложным ребёнком. Появившись в этом приюте десять лет назад в возрасте одного месяца, когда полиция отчаялась найти её мать, бросившую девочку сразу после рождения, она, кажется, с самых первых дней доставляла одни хлопоты. Упрямая,

своевольная, она показывала характер, ещё даже не научившись говорить. Но другие девочки её любили. Став старше, она никогда не отказывала им в помощи и поддержке, но, конечно, чаще всего подстрекала их на различного рода шалости и проделки. Будучи по природе своей истинным лидером, она легко вела их за собой, какая бы идея не возникала в её голове. И не важно, была ли это какая-нибудь игра, учёба или желание стащить лишний кусок хлеба на кухне.

Зачастую, девочка умудрялась сделать всё так, что ни одна из них не попадалась на хулиганстве. Но если всё-таки их ловили, то выгораживала своих подружек, принимая основное наказание на себя. Северина была живым, неугомонным и вечно жаждущим приключений ребёнком, и естественно, очень выматывала всех работниц приюта, каждая из которых не могла провести с ней больше нескольких часов. Именно поэтому от неё каждый раз отказывались приёмные семьи, ссылаясь на то, что просто не могут с ней справиться.

– Северина, – мисс Бирн ласково погладила её по длинным русым волосам. – Я просто прошу тебя быть хотя бы чуть-чуть спокойнее. И придумывать чуть меньше шалостей. Вот и всё. И они обязательно тебя полюбят.

– Обещаете? – девочка с надеждой посмотрела на женщину своими большими серо-голубыми глазами, и той не осталось ничего другого, кроме как кивнуть, уповая на то, что уж в этот раз Северину не оставят на пороге приюта спустя несколько месяцев. – Ладно, пойдёмте, – и она уже сама по-

тянула мисс Бирн за руку в сторону кабинета.

Стоило только тяжёлой двери открыться от толчка детской руки, как им навстречу из двух кресел, стоявших перед массивным дубовым столом, поднялась неуверенно улыбающаяся молодая пара. Северина улыбнулась в ответ и, представившись и расправив юбку своего серого платья, какие носили все воспитанницы приюта, протянула свою дрожащую руку, как учила её мисс Бирн, ладошкой вниз.

Мистер Томас Гудман, худой молодой мужчина с узким лицом, близко посаженными тёмными глазами, ярко-рыжими волосами, уложенными на одну сторону, и щетиной на подбородке и вокруг губ, которому на вид было не больше тридцати, довольно кивнул, пожимая её пальцы. Его жена, Маргарет, невысокая девушка примерно того же возраста, с русыми волосами, заплетёнными в толстую косу, достающую практически до талии, и добрыми голубыми глазами, не шелохнулась, только опустила взгляд в пол. Северина с интересом рассматривала их, пытаясь устоять на месте и вести себя как можно тише, пока взрослые разбирались с бумагами.

Прощание с приютом и остальными девочками далось как всегда тяжело. Она любила это место, ставшее родным и единственным. Любила этот большой дом, построенный, казалось, в прошлом веке, стены которого были густо оплетены плющом. Любила всех его обитателей и, каждый раз уезжая в новую семью, с сожалением думала о том, что больше никогда их не увидит, от чего становилось невероятно грустно.

Любила эти деревянные качели под большим дубом, которые построил для них садовник и на которых она качалась так часто, что даже не сосчитать. Любила даже этот высокий каменный забор, из-за которого никогда нельзя было рассмотреть, что происходит снаружи. Она любила здесь каждый камешек и травинку.

И сейчас ей снова приходилось уезжать отсюда в какой-то новый дом, в новое место, в городок под названием Инвернесс, расположенный на севере Шотландии. Это пугало. Раньше она никогда не переезжала никуда за пределы Северной Ирландии. Но любопытство было сильнее страха, и Северина с нетерпением ждала того, что будет происходить дальше, надеясь, что, может быть, в этот раз её будут любить, что в этот раз она наконец-то обретёт родителей.

– Помни, о чём мы говорили, – строго сказала мисс Бирн, закрывая дверь машины, которая должна была доставить их сначала в Белфаст, откуда на пароме они переправятся в Странраер и поедут дальше по стране. – Не подведи меня.

– Я постараюсь, мисс Бирн. До свидания, – Северина в последний раз оглянулась на место, в котором выросла, и откинулась на спинку сиденья, закрывая глаза. Она уже так привыкла уезжать, а потом снова возвращаться, что казалось, что она делала это чуть ли не каждую неделю. И этот раз ничем не отличался от предыдущих.

Городок Инвернесс оказался действительно небольшим, располагался на побережье Северного моря в устье реки Несс и пересекался несколькими каналами. Дом, в котором жили Гудманы, а теперь предстояло жить и ей, был таким же, как и десятки других домов вокруг, но зато теперь у неё снова была своя комната, которую не приходилось ни с кем делить.

Северину определили в единственную школу, расположенную в самом центре города, и она надеялась завести там новых друзей, даже несмотря на то, что её одноклассники относились к ней с опаской. Но девочка привыкла к этому, сменив уже десяток школ, пока жила в других приёмных семьях. Новеньких мало кто любил, но её никогда это не останавливало. Северина была открытая и любознательная, а в её голове имелась не одна история на любой случай, и она с удовольствием рассказывала их всем, кто готов был её выслушать.

За первые несколько недель жизни в Шотландии она выяснила, что мистер Гудман работает пожарным, и его знает и уважает большинство жителей города. Маргарет же была домохозяйкой, очень тихой и спокойной девушкой, постоянно занимающейся готовкой, уборкой, стиркой и глажкой, потому что её муж любил безупречный порядок и строго следил

за тем, чтобы всё было так, как ему того хотелось. Северине же казалось, что он просто не хочет, чтобы у его жены появилось хоть чуть-чуть свободного времени на развлечения.

Каждый раз, придя со смены, мистер Гудман усаживал жену и новоприобретённую дочь в гостиной на диване и требовал отчёт о том, чем они занимались, пока он был на работе. Опустив взгляд в пол и нервно сжимая пальцы, Маргарет робко бубнила что-то про сваренный луковый суп и выбитые коврики, а Северина бойко рассказывала про успехи в школе, про новую подругу, с которой они теперь сидят за одной партой, и про то, что после школы они ходили к одному из её одноклассников смотреть на родившихся котят.

Северина старалась изо всех сил следовать наставлениям мисс Бирн, и чаще всего это получалось. Новые родители были довольны. Особенно Томас, как он просил называть его. Но, конечно, иногда девочка всё-таки слишком увлекалась очередной игрой, ставя на уши весь дом, и тогда мистер Гудман наказывал её, запирая на чердаке на весь день. Правда, это было только в тех случаях, когда Маргарет, действительно старающаяся заботиться о ней, не могла скрыть от мужа проказы приёмной дочери.

На одиннадцатый день рождения Гудманы разрешили Северине пользоваться компьютером, стоящим в её комнате, дали инструкцию к нему и подарили несколько книг по компьютерным технологиям. Она с головой ушла в изучение всего этого, особенно когда Томас подключил для неё интер-

нет, правда, с очень лимитированным трафиком, через телефонный провод. Семья вздохнула от облегчения. Шалости практически сошли на нет, и теперь уже Маргарет приходилось уговаривать дочь хотя бы на несколько часов выйти из дома, чтобы провести время с друзьями на свежем воздухе. Но в ноябре в Шотландии было уже достаточно холодно, и Северина всё чаще отказывалась от прогулок, стараясь как можно быстрее добраться из школы домой.

И всё шло вроде бы хорошо. Вот только она не чувствовала себя дома. Не чувствовала, что они втроём стали семьёй. Может, потому что не знала, какая она должна быть эта семья. Но ей всё больше казалось, что живут они как соседи, не слишком доверяющие друг другу соседи. Она всё чаще замечала, как Томас, пожелав ей спокойной ночи, уводил жену в их спальню и запирает дверь на замок, а на следующее утро Маргарет выглядела как-то пугающе несчастно и вздрагивала от каждого резкого звука.

В такие дни Северина старалась вести себя как можно тише, не желая расстраивать приёмную мать, которая через силу ей улыбалась, накрывая стол для завтрака. И абсолютно не понимала причин этой запертой двери. Как будто она хоть раз пыталась тайком проскочить в эту комнату.

Её любопытство росло с каждой неделей всё больше и больше. Пока однажды через несколько дней после Рождества, Северина не стала свидетелем неприятной ситуации. Мистер Гудман вернулся с работы раньше обычного и уви-

дел не развешенное бельё, которое Маргарет достирала не больше десяти минут назад и отошла чтобы пару минут передохнуть и выпить воды. Он резко схватил жену за руку, злобно шипя на неё и называя ленивой приживалкой, и потащил её в сторону сарая, в котором хранились дворовые инструменты. Пробравшись через заснеженный двор к маленькому окошку в задней части сарая, Северина привстала на цыпочки и с ужасом увидела, как Томас таскает жену за волосы по полу и пинает её ногами в живот. Женщина молчала, принимая своё наказание с тихими всхлипами, и выглядела так, как будто давно уже смирилась с такой своей судьбой.

Северина же обежала сарай и распахнула дверь, врываясь внутрь и пытаясь оттолкнуть мистера Гудмана. Но что она могла сделать против взрослого мужчины? Он только посмеялся и играючи отшвырнул девочку от себя.

– Ещё раз ты сунешься куда не следует, и твоё наказание не ограничится днём взаперти на чердаке. Поняла меня? – злые глаза Томаса пригвоздили Северину к грязному полу, куда она упала, не сумев устоять на ногах. – Я научу вас быть благодарными и заботиться о том, что вам дают.

А уже буквально через пару часов мистер Гудман вёл себя как ни в чём не бывало, снова став порядочным главой семьи. Северина была ещё больше сбита с толку, когда он пришёл к ней в комнату, узнать, как у неё дела в школе, и как продвигается изучение компьютера.

С тех пор она стала его сторониться, ещё больше углуб-

ляясь в виртуальный мир и стараясь лишний раз не высываться. Но такому человеку как Томас было проще простого найти повод поиздеваться и над женой, и над дочерью, чем он время от времени себя и развлекал.

Один раз Северина даже сбежала из дома, сложив в маленький школьный рюкзак самое необходимое, потому что жить так становилось невыносимо и страшно. Но полицейские, которых отправил на её поиски глава местной пожарной службы, быстро вернули её обратно, а рассказу о жестоком обращении с ней и Маргарет никто не поверил, потому что Томас Гудман был одним из самых приличных людей в городе, а его жена упорно молчала, не подтверждая слова Северины. В тот же день Томас избил девочку так сильно, что ему пришлось на две недели закрыть её дома, сославшись на болезнь после целого дня, проведённого ею на улице во время побега, чтобы никто не увидел её налитых кровью синяков и гематом.

Так прошло ещё два года, пока однажды Маргарет Гудман не покончила с собой.

Глава 5. Лучшие вещи

На следующее утро, когда будильник зазвонил ровно в пять утра, Хантер проснулся с болью в спине от неудобного дивана, на котором спал, и стойким ощущением того, что вчерашний вечер ему просто приснился, привиделся, показался. Да что угодно. Слишком неправдоподобно было всё, что произошло на аллее. Но чувство, что всё не так уж и плохо, навеянное на него песней и незнакомкой, плотно засело где-то внутри, поэтому, собираясь на утреннюю пробежку, он уже не так негативно воспринимал окружающую его обстановку и даже поздоровался на лестнице с соседом, который судя по внешнему виду только возвращался домой с какой-то пьяной тусовки.

Выйдя на улицу, он глубоко вдохнул предрассветный воздух и побежал. Сначала медленно, а потом постепенно ускоряясь. Дорога до океана заняла не больше пятнадцати минут, за которые он успел хорошо размяться, а солнце только-только начало показывать свои лучи из-за линии горизонта, подкрашивая небо и волны нежно-розовыми и золотыми оттенками. Пробежав ещё сотню метров по бетонной дорожке вдоль пустынного в это время пляжа, Хантер спрыгнул на песок, увидев вдалеке так любимые им турники и брусья. Было совсем не важно, что теперь он жил в другом месте, что ему предстояло заниматься совершенно другими вещами –

от этой своей привычки он отказываться не собирался.

Скинув лёгкую олимпийку и оставшись в одних штанах и тонкой белой борцовке, он запрыгнул на турник, с удовольствием ощущая, как вытягивается спина, а боль постепенно уходит. Вокруг не было ни души, и только большие чайки степенно выхаживали по песку и то и дело ныряли в него клювами, выуживая объедки, оставленные туристами.

На выполнение базового набора упражнений ушло минут сорок, за которые солнце уже встало достаточно высоко и постепенно начало припекать. Спрыгнув на песок, Хантер упёрся ладонями в слегка согнутые колени, пытаясь выровнять дыхание и дать забитым мышцам немного отдыха, и тут же охнул, чуть не упав вперёд, когда получил весьма ощутимый толчок в спину. А в следующую секунду прямо над его головой огромный пёс, весивший не меньше тридцати килограмм, на лету поймал чайку, смыкая на ней свои длинные белые клыки, и приземлился мощными лапами на песок чуть впереди, прижимая к земле едва трепыхающуюся птицу.

– Вождь, ко мне!

Хантер даже подпрыгнул от раздавшегося прямо за его спиной строгого женского голоса, а собака, виновато понурив голову и выпустив свою добычу, поплелась к хозяйке, тут же усаживаясь у её ног.

– Чёрт, извини. Он отлично выдрессирован. Но когда дело доходит до чаек, становится просто неуправляемым.

– Может, тогда не стоит гулять с ним по пляжу? – Хан-

тер прищурился от яркого солнца, ударившего в лицо, когда он обернулся, и мысленно чертыхнулся, стоило ему увидеть, кому принадлежал огромный голубой питбуль, использовавший его спину в качестве трамплина.

– Думаю, я буду сама решать, где мне с ним гулять, – тут же оцетинилась Алесса Шепард, скрещивая на груди руки, покрытые тонкими витиеватыми татуировками, оплетающими её плечи и предплечья. – К тому же в это время здесь обычно никого нет.

– Ну, теперь в это время здесь буду я, – усмехнулся Хантер, а полные губы девушки презрительно поджалась, пока они сверлили друг друга взглядами. Но потом Алесса просто прошла мимо, обходя его стороной. Клацнув зубами, питбуль затрусил за ней.

– Тебе кто-нибудь говорил о существовании поводков? – крикнул ей вслед Хантер, но ответом ему послужила только вскинутая за спину рука, сжатая в кулак с оттопыренным средним пальцем.

Хантер выругался про себя.

«Молодец, мужик, привлёк внимание правой руки главаря. Отличный способ попасть в банду», – внутренний голос сочился сарказмом.

Подхватив олимпийку, он побежал в сторону дома, думая о том, как подступиться к выполнению задания, и прокручивая в голове все имеющиеся у него данные на Воронов Смерти. На Тейшейра была записана достаточно большая для это-

го района автомобильная мастерская и тату-салон, которые естественно были только прикрытием для его основного наркобизнеса. Можно было попробовать зайти со стороны машин. Уж в чём в чём, а в моторах Хантер разбирался, хотя и не собирался посвящать этому всю свою жизнь. Но с чего-то нужно было начинать, хотя бы прощупать почву.

За следующие несколько дней слежки и общения со своими информаторами, ему удалось узнать, что Тейшейра требуется человек в мастерскую, и один из его так называемых друзей должен ему кого-то отправить. Выяснить, кто это будет, не составило большого труда. Трейсер следил за безопасностью не так рьяно, как главарь банды Воронов. А уж натравить на будущего новенького своих ребят из ФБР, чтобы те закрыли его на неопределённое время, было ещё проще.

Выждав день, Хантер решил, что пора рискнуть и наведаться в логово Тео. Поэтому приняв душ после ежедневной тренировки и соорудив себе несколько сэндвичей и протеиновый коктейль на завтрак, он выбрал в шкафу самые простые и поношенные джинсы и футболку и вышел на улицу, направляясь к большому складскому помещению в пяти кварталах от его дома, переоборудованному под боксы для ремонта машин. Огромная вывеска с надписью «Автомастерская Тео» не позволяла ошибиться. Три роллеты из пяти были подняты, и, стоя на противоположной стороне улицы, Хантер видел, как разномастные парни работают над дву-

мя выдавшими виды малолитражками и одной ярко-жёлтой спортивной машиной. Сюда приезжали чиниться не только жители этого района, но и мажоры из центра, зная, что всё будет сделано по высшему разряду. Тейшейра не терпел халтуры и неаккуратности в работе.

– Эй, Стелс, подай-ка мне трещотку с головкой на двенадцать, – из-под старенького форда на деревянном лежаке наполовину выкатился парень с выбритой головой и коротко стриженной бородой.

– Возьми сам, я занят, – раздался откуда-то сбоку нагловатый голос, и подойдя ближе, Хантер увидел молодого темнокожего парнишку лет двадцати, сидящего с компьютером на водительском сиденье спорткара.

– Держи, – взяв со стеллажа нужный инструмент, Хантер присел на корточки и вложил его в руку бритоголового парня. Тот скрылся под машиной, но буквально через секунду выкатился обратно, резко вскакивая на ноги.

– Какого хрена? – замахиваясь трещоткой, тот выглядел достаточно устрашающе.

– Эй, спокойно! – Хантер поднял руки, отступая на шаг назад. – Я просто помог.

– У нас и своих помощников хватает. Что тебе надо? – парень явно был агрессивно настроен.

– Ищу работу.

– Проваливай. У нас полный комплект.

– Всего кроме вежливости и спокойствия, видимо, – Хан-

тер усмехнулся, складывая руки на груди и с вызовом смотря на всё больше приходящего в ярость парня. – И как вам только машины доверяют? Не боятся, что ты психанёшь и расхерачишь какую-нибудь тачку?

– А ты, я смотрю, хочешь попасть под горячую руку?

– Эй, Фантом, остынь! – парень, которого тот назвал Стелс, подскочил к ним, слегка отпихивая приятеля в сторону. – Ты сегодня, и правда, что-то слишком уж разошёлся, – а потом переключил своё внимание на Хантера, внимательно его осматривая с ног до головы. – Ты от Трейсера?

– Первый раз о нём слышу, – Хантер пожал плечами. Скажи он «да», его ложь вскрылась бы в дальнейшем, а голова оказалась бы у шефа на столе. – Просто шёл мимо, увидел мастерскую и решил узнать, не требуются ли вам работники. Я недавно переехал, а наличка имеет свойство заканчиваться.

– Прости, чувак, у нас было одно место, и Трейсер собирался отправить к нам своего парня. Правда, тот должен был явиться ещё два дня назад, – Стелс был явно недоволен этим фактом.

– Хватит болтать, Стелс, – из-под форда раздался раздражённый голос успешного снова под него залезть Фантома. – Шеф и так давно уже думает о том, чтобы укоротить тебе язык.

– И прекрасно знает, что без моего языка здесь всё развалится, – самоуверенно бросил ему Стелс и снова посмотрел

на Хантера. – Зайди к девчонкам в тату-салон рядом, оставь свой номер. Если тот чувак не появится в течение пары дней, мы скорее всего тебе позвоним. И я надеюсь, ты хоть что-то понимаешь в тачках.

– Будь в этом уверен, – нахально заявил Хантер, а выходя из бокса, услышал, как Фантом пробурчал что-то о том, что они не берут парней с улицы. Но Стелс только отмахнулся от него.

Тату-салон, так же принадлежавший Тео Тейшейра, находился в этом же здании и представлял собой достаточно большой тёмный зал, стены которого были разрисованы граффити и увешаны различными рисунками, между которыми сеткой расходились в хаотичном порядке неоновые ленты кислотных цветов, и работали в нём две девушки, в одной из которых Хантер узнал Алессу, склонившуюся с машинкой над шеей какого-то бугая. А вот вторая девушка, блондинка с явными нотками чего-то мексиканского во внешности, переносившая эскиз татуировки на руку худосочному парнишке лет пятнадцати, была ему неизвестна. Мысленно облизываясь на её шикарную фигуру, Хантер опёрся плечом о дверной косяк и ждал, пока на него обратят внимание.

– У нас здесь не выставочный зал, Атлант. Да и стены наши в подпорках не нуждаются, – Алесса даже не подняла на него головы, увлечённая своей работой. Но её жутко раздражали тяжёлые взгляды на её спине.

– Стелс сказал, что я могу оставить вам свой номер для связи.

– Ну если Стелс сказал, – усмехнулась она и обратилась к напарнице: – Кара, если у тебя есть секундочка, покажи, где у нас лежит бумага и ручка.

– А если нет, то он может и сам найти всё, что нужно, вон на том столе справа от себя, – Кара сладко улыбнулась Хантеру, и тот подмигнул ей в ответ, записывая новый номер своего мобильного на ярко-красном стикере и приклеивая его к стене над столом.

Через пятнадцать минут он уже плюхнулся на диван в своей квартире, достав ноутбук и подключая к нему телефон, чтобы пробить по базе данных ФБР эту Кару, которую умудрился сфотографировать так, что девушка не заметила. Хантер всё никак не мог взять в толк, как так вышло, что он в принципе не знал о её существовании.

Введя свой код доступа и пароль, он подождал пару минут и раздосадовано чертыхнулся. В базе её не было, а значит, девушка никогда не привлекалась и вела вполне себе добропорядочный образ жизни, что совсем никак не вязалось с образом человека, работающего на Тейшейра.

– Что ж, попробуем посмотреть на твою жизнь через соц-сети, Кара.

– Что за парень, Ноа? – Тео Тейшейра недовольно нахмурил брови, вглядываясь в видео с камер в боксах, когда Стелс пожаловался ему на то, что новенький до сих пор не объявлялся, зато приходил другой – с улицы. Главварь Воронов Смерти не любил таких сюрпризов, не любил новых людей, предпочитая работать только с теми, кого давно знал, или с теми, кто пришёл от тех, кого он давно знал. Но его парни слишком давно жаловались на то, что у них не хватает рук на весь тот объём работы, что приносила мастерская. Особенно в недели поставок, когда им приходилось заниматься не только машинами, но и готовить принятый товар к расфасовке. И сейчас он был, мягко сказать, в бешенстве от того, что Трейсер его подвёл, так и не прислав человека. Придётся рисковать и искать кого-то другого, потому что тянуть дальше уже было нельзя. А неоправданный риск Тео любил ещё меньше. Но его команда выдохалась, а впереди было ещё слишком много работы.

– Зовут Беннет Хьюстон, в городе всего пару дней. Поэтому мои ребята о нём ничего не знают. Снимает однушку здесь недалеко в доме старого Мортинса, – быстро отчитался Стелс о том, что ему удалось узнать о Хантере за пару часов. – Я уже попросил Алессу пробить его по своим каналам. Она займётся этим, как только закончит с клиентом.

– Добро, – кивнул Тейшейра молодому парнишке, который, к его удивлению, стал абсолютно незаменимым с того самого дня, как попал в его команду около десяти лет назад вороватым сопляком. – Попроси её зайти ко мне, как только у неё будет хоть какая-то информация.

– Конечно, шеф. Но я больше чем уверен, что он нам пойдёт.

– Лишь бы он не был очередной подставной уткой, а то будет жалко раскрашивать и эту милую мордашку.

Глава 6. Рождены болью

В свои тринадцать лет Северина в первый раз была на похоронах. Они с Томасом, облачённые во всё чёрное, шли в траурной процессии за гробом Маргарет, который несли на руках местные жители. Мистер Гудман старательно строил из себя убитого горем мужа, крепко сжимая руку дочери, и то и дело утирал глаза платком. Вот только Северина знала, что всё это тщательно продуманное театральное представление, потому что именно он довёл жену до того состояния, что в один прекрасный день она сломалась и наглоталась снотворного.

И девочка действительно считала этот день прекрасным, потому что Маргарет наконец-то была свободна. Там, куда она отправилась, Томас уж точно не сможет её достать, чтобы в очередной раз поднять на неё руку, вымещая свою злость и беспричинную агрессию. Она действительно радовалась за свою приёмную мать, что у той хватило смелости на этот шаг, потому что сама Северина, как бы страшно ей теперь ни было оставаться в пустом доме один на один с явным садистом, уж точно никогда бы не решилась сделать это.

В том, что мистер Гудман был садистом, Северина уже не сомневалась. Она натолкнулась на этот термин в интернете, в поисках хоть каких-то советов, как избежать побоев от отца. Она уже несколько месяцев безвылазно сидела на ано-

нимном сайте психологической помощи и поддержки подростков, о котором безостановочно твердили по телевизору, и общалась с такими же, как и она, детьми, жертвами домашней тираннии. Все они были глубоко подавлены, забиты и беспрерывно говорили о суициде. А Северина всё думала о том, как бы накопить денег и просто сбежать.

Казалось, на кладбище собралось чуть ли не полгорода, пришедших проститься с любимой женой самого главного пожарного. Они беспрерывно подходили и выражали своё сочувствие, мистер Гудман с благодарностью и скорбью принимал их соболезнования, а Северине с каждым словом становилось всё противнее и противнее. Ей хотелось вопить во всё горло. Не того человека вы жалеете! Ему всё равно! Но стоило только ей открыть рот в попытках сказать хоть что-то, Томас тут же одёргивал её за руку, краем губ злобно шипя о том, что её может ждать дома, если она хотя бы пикнет. И она закрывала рот, понуро опуская голову. Сегодня ночью он сломал и её.

Вчера вечером, придя из похоронного бюро, мистер Гудман тут же схватился за бутылку виски, сначала наливая себе стакан за стаканом, а потом уже прикладываясь к узкому горлышку, пытаясь высосать последние капли со стеклянных стенок.

Северина в ужасе сидела в своей комнате и даже не могла запереться, чтобы хоть как-то обезопасить себя, потому что замка на её двери не было – приёмный отец постарался,

как он любил говорить, ради безопасности. Она только надеялась, что алкоголя будет так много, что Томас просто уснёт на диване в гостиной, где провёл весь вечер, рассматривая немногочисленные фотографии жены.

Но стоило ей услышать его тяжёлые и спотыкающиеся шаги на лестнице, надежда на то, что хотя бы в этот раз всё обойдётся, лопнула как мыльный пузырь, соприкоснувшийся с тоненькой травинкой. Северина быстро выключила компьютер и юркнула в кровать под одеяло, отворачиваясь лицом к стене. Может, увидев, что она спит, Томас просто уйдёт.

Дверь в её комнату медленно открылась, расчерчивая пол полоской света. Мужчина несколько секунд стоял на пороге, вглядываясь в темноту, а потом шагнул внутрь. Свет снова погас. Северина лежала неподвижно, чуть дыша, а сердце стучало так громко, что она боялась, что ещё немного и оглохнет.

Её кровать под весом Томаса слегка прогнулась, и Северина зажмурилась, вся съёжившись в ожидании удара. Но его не последовало. Вместо этого мужская рука мягко скользнула на её талию, обнимая, когда мистер Гудман улёгся за её спиной, прижимаясь к ней всем телом.

– Теперь мы остались с тобой вдвоём, Северина, – зашептал он ей на ухо, и она, поморщившись, задержала дыхание, когда её обдало запахом перегара. – И должны держаться ближе друг к другу, ты понимаешь? Заботиться друг о друге

и любить.

А следующее, что она почувствовала, были влажные губы, касающиеся её шеи. Противно, как же это было противно. Северина собралась с духом и развернувшись, отпихнула его от себя. Но разве могли её сорок килограмм противостоять его восьмидесяти? А Томасу только и нужно было, чтобы она повернулась к нему.

Всё, что было потом, казалось самым страшным кошмаром, из которого она не могла выбраться, как бы ни билась и ни кричала. Было больно, очень больно и так мерзко, что она думала, что её стошнит. Но когда мистер Гудман наконец-то оторвался от неё через десять минут, удовлетворённо кряхтя, пока застёгивал брюки, внутри она не чувствовала ничего. Пустота, какой не было никогда. И теперь она понимала, почему он запирает дверь их с Маргарет спальни. Не для того, чтобы к ним никто не вошёл, а для того, чтобы Маргарет не могла выйти.

– Ты очень красивая, Северина. Такая красивая, что просто невозможно удержаться, – мистер Гудман расплылся в пьяной улыбке, открывая дверь. – А я привык к красоте. И не собираюсь отказываться от неё в дальнейшем. И смени постельное бельё.

Когда он, пошатываясь, вышел, Северина расхохоталась в голос от накрывшей её истерики. Постельное бельё, смени постельное бельё. Это то, что заботило его сейчас, в то время как ей хотелось отправиться вслед за Маргарет.

Девочка сползла с кровати, сдёрнула простыни и, не чувствуя ног, поплелась в ванную, чтобы отстирать кровь, пока она окончательно не въелась в ткань, давая Томасу лишний повод избить её за испорченную вещь, и смыть с себя липкие следы её первого “свидания” с мужчиной.

В ту ночь Северина наконец-то решилась прочитать письмо, которое оставила ей мать, зная, что хуже уже точно быть не может. Она достала пожелтевший от времени потрёпанный конверт, который вручила ей когда-то мисс Бирн. Конечно, он был вскрыт. Письмо в нём прочитали в тот же день, когда девочку забрала полиция, надеясь, что оно поможет найти её мать. А так как письмо адресовалось ребёнку, его отдали вместе с ней в приют.

Усевшись на кровать и подтянув к себе настольную лампу, дрожащими пальцами Северина достала небольшой лист бумаги и развернула, в первый раз вглядываясь в аккуратный убористый почерк.

«Я не знаю, кто ты, мальчик или девочка. Да и не хочу знать. Прости, но это правда. Хотя мне почему-то кажется, что всё-таки девочка. Я не смогу ничему научить тебя в будущем, поэтому вот тебе несколько уроков от меня сейчас.»

Зачастую правда бывает неудобной. Но лучше она, чем жить во лжи и лицемерии. Будь честна с собой.

Твой отец оказался последним козлом, хотя, не то чтобы он изначально это скрывал. А я как дуручка повелась на

красивые слова, что практически разрушило мою жизнь, когда она только-только началась. Так что не доверяй мужчинам, они тебя только используют. А если ты всё-таки мальчик – не доверяй никому. Люди в принципе используют друг друга.

Будь сильной. Всегда. Что бы ни случилось, не смей опустить руки. Если ты себя не вытацишь, никто тебя не вытащит. Потому что никто никому ничего не должен. А за любую услугу или помощь когда-нибудь обязательно придётся заплатить.

Дождь не может идти вечно, когда-нибудь он обязательно закончится. Так же, как и боль не будет длиться дольше, чем ты сможешь её вытерпеть. Когда-то и она притупится. Вместе с памятью, которая чаще всего и является источником этой боли. Что до физической боли – это всего лишь мгновение. Так что расправь плечи и поднимись с колен, даже если они разбиты в кровь.

И последнее. Единственное, что я могу тебе дать, это имя. Пусть это будет Северина для девочки. Или Север для мальчика. Так звали мою бабушку, и она была самым сильным человеком, которого я когда-либо знала. Надеюсь, это имя поможет тебе преодолеть все препятствия в жизни.

Я никогда тебя не хотела. И не смогла полюбить. Да и что может дать ребёнку тот, кто в восемнадцать лет сам ещё ребёнок. Поэтому я отдаю тебя, выбрав себя. Всегда выбирай себя. И может быть, когда-нибудь ты сможешь

хотя бы понять меня, потому что о прощении просить бессмысленно».

Северина столько раз прочитала это письмо, что каждая его строчка, каждая его буква навсегда отпечталась в её памяти. Она закрывала глаза и видела его прыгающими цветными кругами перед чёрными веками. И не понимала, как относиться к этому. Но уже сейчас она знала, что во многом мать была права.

– Спасибо за честность, мама... – прошептала она, разрывая письмо на мелкие кусочки, выключила свет и откинулась на подушку, которая до сих пор пахла мужским потом, перегаром и её страхом.

* * *

Теперь, после смерти Маргарет, когда Томас уже не мог получить от неё то, что хотел, он целиком и полностью переключился на Северину, радуясь тому, как подросла девочка за последний год. Правда, ему пришлось жестоко избить её, когда Северина снова попыталась рассказать в полиции эту свою байку про то, что он якобы насилует её. Впрочем, она могла бы рассказывать это хоть каждый день, ей бы всё равно никто не поверил. Но Томас не мог спустить её с рук ослушание. И на свой пятнадцатый день рождения Северина получила в подарок синяки, гематомы и несколько недель свободы от его мерзких прикосновений.

– Ты должна это прекратить, – в очередной раз написал Северине парень Спенсер, с которым они познакомились год назад в сети. Он стал не только её учителем в мире программирования и интернета, но и близким другом, которому она могла рассказать всё что угодно. Единственным, кто поверил ей.

– Но как, Спенс? Что я могу сделать?

– Сбежать, – пришёл мгновенный ответ. – Шейдс помогут тебе, если ты готова присоединиться к нам. Потому что ты нам нужна. И я больше не могу видеть, как он тебя медленно убивает.

Северина задумалась. В первый раз кто-то предлагал ей помощь. Реальный выход. Именем Шейдс называла себя небольшая группа хакеров, действующая по всему миру. Они были киберпреступниками, путешествующими по сети уже несколько лет, проникающими туда, куда обычные люди не имели права доступа. У них были деньги, заработанные на взломе банковских данных и продаже различной информации, и возможность сделать поддельные документы. И подумав о том, что, по сути, кроме жизни, которая с каждым днём всё больше подвергалась опасности рядом с всё сильнее звереющим Томасом, терять ей уже было нечего, Северина выдохнула и набрала на клавиатуре один единственный вопрос:

– Что я должна делать?

– Умница. Я знал, что ты всё-таки решишься.

Ещё полчаса они обсуждали её новую фамилию, потому что имя она собиралась оставить своё, место, где она сможет безопасно забрать новые документы, которые Спенсер собирался привезти ей лично, и где она будет жить ближайшие несколько лет, пока ей не исполнится восемнадцать, чтобы можно было пересекать государственную границу, потому что возраст Северина себе прибавлять не хотела.

Закончив разговор по защищённому каналу связи около двух ночи, она впервые за долгое время почувствовала радостное возбуждение. Она сможет освободиться. Сможет сбежать от этого монстра, мистера Гудмана, чья фамилия для неё звучала как насмешка. И он больше никогда её не тронет. Никто никогда больше не тронет её против её воли.

Глава 7. Лучшие вещи

– Ты просил зайти, – Алесса без стука вошла в небольшой кабинет шефа, располагающийся над боксами автомастерской, и остановилась перед столом, засовывая руки в карманы широких брюк, низко сидящих на талии. Большой тёмно-серый питбуль степенно прошёл следом за ней и уселся у её ног.

– Да. Что ты нарыла? – Тейшейра отложил бумаги, которые просматривал до этого, и поднял на неё глаза.

– Ничего особенного. Парень как парень, – Алесса скучающе пожала плечами и присела боком на дубовый стол. – Тридцать один год. Родился и вырос в Детройте. Три года отслужил в морской пехоте. Женился в двадцать два на школьной подруге. В двадцать три открыл автомастерскую, родители обеих сторон подкинули денег на семейное дело. Причём сам же там и работал главным мастером. Нароботал большую для своего города клиентскую базу. Год назад развёлся и долго судился с бывшей женой по разделу имущества. Хотел оставить себе мастерскую, а жене выплатить деньги, которые вложили её родители. Девчонку это не устроило. В итоге по суду мастерскую разделили пополам между ними. Видимо, два хозяина не смогли ужиться вместе, потому что бизнес развалился. Детей нет. Переехал сюда неделю назад с минимумом вещей. Остальное Стелс те-

бе уже рассказал. Рост сто восемьдесят шесть сантиметров, вес девяносто килограмм. Всю жизнь увлекается воркаутом и стрельбой. В семнадцать лет был один привод за употребление травки и разборку на улице, в которой сломал противнику нос, за что получил пятьдесят часов исправительных работ. В остальном чист. Любимая музыка и писатели интересуют?

– Нет, – Тейшейра удовлетворённо хмыкнул. – Пожалуй, он нам, и правда, подходит. Почему переехал именно в Сан-Диего смогла узнать?

– Да кто его знает. Может, после мрачного Детройта захотелось летних красок.

– Ладно, свяжись с ним и устрой в гараж. Надо дать парням немного выдохнуть.

– Кто бы мне дал немного выдохнуть, – Алесса презрительно сощурилась, а Тео только понимающе кивнул головой.

– Скоро, детка, скоро, – мужчина потянулся было рукой к её спине, но тут же одёрнул себя, когда возле стола послышалось едва различимое злобное рычание. Пришлось убрать руку. Ему совершенно не хотелось лишиться пальцев. Но этот её чёртов питбуль не оставлял ему и шанса прикоснуться к ней. – Потерпи год, может, чуть больше, и мы перейдём на новую ступеньку. Будет полегче. И ты же знаешь, что можешь брать выходные, когда есть возможность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.